

не только пережили свое время, но именно сейчас, в наши дни приобретают все большее значение. Всестороннее развитие зрелого социалистического общества дает нам возможность осмыслить идеи Луначарского с дистанции времени. В дискуссии о нашем художественном методе, о его эстетической сущности Луначарский — наш незаменимый учитель. Конечно, годы отсеяли некоторые из его установок, но мы говорим о том, что выдержало проверку временем и является нашим оружием.

Если взять проблему литературной критики — то и в этой области Луначарский оставил нам блестящие образцы. Каждый раз, читая критические труды, я с каким-то внутренним волнением думаю о том, как актуальны до сих пор методологические уроки Луначарского. Как важно для литературной критики, которая, по выражению Тодора Живкова, является реальной формой партийного руководства художественным творчеством, всегда помнить советы соратника Ленина об этичности критики, о товарищеских взаимоотношениях между критиками и писателями, о критике самой критики.

Особого внимания заслуживает воздействие взглядов Луначарского на развитие болгарской марксистской литературно-критической мысли. Я не мог миновать эту проблему в своей книге, но сделанное — только начало. Более обстоятельно исследовать, как появились у нас и получили распространение статьи Луначарского, — интересная, важная и благородная цель, и я уверен, она найдет своих горячих сторонников.

Все, что я написал в книге «Литературные уроки Луначарского» об историческом вкладе советской литературы и об одном из его наиболее ярких представителей, — чрезвычайно маленькая и скромная дань сокровищнице нашего братства. Об Анатолии Васильевиче Луначарском будут еще написаны новые и гораздо более богатые и значительные книги. Верю в это, потому что жажда людей приобщиться к ленинскому гению и его наиболее видным соратникам воистину неутолима. Потому что наследие коммуниста и литератора Луначарского принадлежит не только его великой родине. Это наследие принадлежит всем прогрессивным людям земли.

ГЕОРГИЙ ПЕНЧЕВ

г. София

ПОД ЛИЧИНОЙ НАУЧНОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ

Wolfgang Kasack. Lexikon der russischen Literatur ab 1917. Stuttgart, Verlag Alfred Kröner, 1976.

Вольфганг Казак. Словарь русской литературы с 1917 года. 1976.

Недавно мне довелось познакомиться со «Словарем русской литературы с 1917 года», вышед-

шим в штутгартском издательстве «Альфред Крёнер». Если верить перечню «карманных изданий», напечатанному на суперобложке упомянутого «Словаря», издательство «Альфред Крёнер» представляется вполне respectable и авторитетным. В перечне впечатляет широта тематики — от Платона и Сенеки до Маркса и Ленина, от Иммануила Канта и Чарльза Дарвина до современных мыслителей. Философия, социология, история, география, искусствоведение...

Не берусь судить о качестве и направленности других выпусков, но, листая «Словарь русской литературы с 1917 года», составленный профессором Вольфгангом Казаком при содействии сотрудников и студентов факультета славистики Кёльнского университета, убеждаешься, что его авторы сослужили издательству плохую службу.

Рекомендуя читателю сочинение Казака, «Альфред Крёнер» гарантирует полноту и точность информации. Она касается без малого пятисот русских литераторов, журналистов, писательских организаций и более полуста литературно-теоретических понятий, съездов и т.п. В аннотации сказано, что вся эта информация в сочетании с краткими оценками основных произведений и библиографическими ссылками может служить основой для дальнейших исследований. Одним словом, если верить рекламным заверениям, труд профессора Казака заполняет брешь в историко-литературных познаниях западногерманских читателей, расширяет, углубляет, обогащает их представления о современной русской литературе и ее создателях.

Сам Вольфганг Казак, говоря в предисловии об источниках своего «Словаря», как бы мимоходом бросает тень на советские справочные издания, в частности, на Краткую Литературную Энциклопедию. Они-де в отборе и интерпретации фактов придерживаются сугубо идеологических критериев. Труд же Казака, если верить его словам, отличается беспристрастностью и научной объективностью...

Зная некоторые прежние работы этого автора — исследователя хоть и эрудированного, но явно тенденциозного, несколько настороженно относишься ко всем этим самохарактеристикам. И не напрасно.

Казак остается Казаком. Он верен своей методе. И демонстрируемая им «академичность» в освещении материала имеет мало общего с подлинной научностью, если понимать под этим в первую очередь следование истине.

Обилие имен и произведений, многозначительные ссылки на «авторитеты», внушительный библиографический и прочий вспомогательный аппарат — все это подчिनено заведомо неблагоприятной цели: убедить читателя в идейной бедности и эстетическом худосочии советской литературы.

Автору «Словаря» не удается, а временами он и не пытается скрыть своего высокомерного, недоброжелательного, а зачастую и просто озлобленного от-

ношения к литературе, создаваемой нашим народом. И тогда он становится неразборчивым в эпитетах, бестактным в определениях, забывает о занятой им позиции эдакого «чистого» ученого.

Ни один тезис, выдвигаемый Казаком против основополагающих теоретических понятий советской литературы, не отличается ни новизной, ни тем более убедительностью. Ибо свою «аргументацию» Казак черпает пригоршнями из старых, ряской покрывшихся источников.

Пожалуй, одной из наиболее характерных для этого издания является статья о Максиме Горьком. Уделив основоположнику социалистического реализма четыре столбца, Казак ухитрился насытить их лишь двусмысленными намеками, не сказав, в сущности, ни слова о самом главном и важном.

Причины отъезда Горького в 1921 году за границу извращены. Более того, по сути ставится знак равенства между великим пролетарским писателем и белой эмиграцией. А под занавес одна из самых значительных книг XX века — «Жизнь Клима Самгина» — названа многословной компиляцией, хроникой, литературное значение которой в принципе ничтожно. О художнике, открывшем новую эру в истории мировой литературы, сказано, что он с непониманием относился ко всем формальным поискам в искусстве начала века. Его реализм пренебрежительно именуется «романтико-патетическим». Кстати, в библиографии к этой статье нашлось место для упоминания самых разных антисоветских публикаций, в том числе парижского журнальчика «Континент», но полным молчанием обойдено горьковедение — одна из самых развитых областей советского литературоведения.

Автор «Словаря» грубо искажает творчество и других советских писателей. Говоря о К. Федине, Казак не может, естественно, хотя бы скорговоркой, не признать высокого таланта и незаурядного мастерства романиста. Но эти оценки тут же «нейтрализуются». Вообще все творчество Федина последних лет вызывает у Казака антипатию, ибо оно «отчетливо отвечает требованиям партийности». Признается, что «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер» написаны вроде бы в традициях толстовского эпоса, однако их автор, как конформист, якобы верен не правде жизни, а «ходульным» требованиям социалистического реализма.

Ярким произведением Казакевича о войне отказано в художественности, поскольку писатель «подчинился требованиям социалистического реализма иллюстрировать партийную точку зрения». По той же причине все романы Симонова признаются «второсортными». (Весьма странное в научном обиходе определение!) Творчество многих поэтов, представителей разных поколений, по утверждению Казака, лишено эстетического значения. В частности, не нравятся Казаку стихи М. Дудина: они

продиктованы якобы не внутренней потребностью.

Подобные примеры можно продолжать и далее, но наибольшее возмущение вызывает провокационная заметка о М. Шолохове. И дело даже не в том, что кельнский профессор пытается гальванизировать низкопробные, никем не принимаемые всерьез сплетни о том, будто «Тихий Дон» написан не Шолоховым. Казаку хотелось бы очернить не только выдающегося писателя, но и сам роман. Оказывается, деление на положительное и отрицательное в нем чересчур прямолинейно, ибо соответствует делению на красных и белых. Прочитав эдакое, невольно начинаешь сомневаться: а читал ли вообще господин профессор роман Шолохова от начала до конца? Если уже не в подлиннике, то хотя бы в переводе?

В заметке о Шолохове Казак в который раз прибегает к своему излюбленному приему: он «побивает» одного советского писателя другим. Автор «Словаря» считает, например, «Поднятую целину» неудачей Шолохова, потерявшего всякое представление о пропорциях. В поисках аргумента Казак обращается к... С. Зальгину, роман которого «На Иртыше» также посвящен классовой борьбе в советской деревне двадцатых — тридцатых годов. Книга Зальгина противопоставляется роману Шолохова как более объективная.

Здесь опять-таки проявляется умышленный антиисторизм Казака, который произвольно вырывает произведение из сложного историко-литературного контекста, обрывает его связи со временем, а затем начинает как угодно манипулировать его идейным и художественным содержанием. Названные произведения Шолохова и Зальгина написаны в разные эпохи и на разном материале. Естественно, в чем-то и различен подход писателей к проблеме. За плечами Зальгина был опыт десятилетий. И этот опыт включает в себя, в частности, традиции «Поднятой целины». Это лишний раз подтверждает, что социалистический реализм, о котором Казак судит как о явлении статическом, на самом деле является методом, творчески развивающимся. Он постоянно обогащается историческим и эстетическим опытом поколений. В этом его сила, жизненность и перспективность.

Вообще Казак охотно использует критические суждения советских писателей об их собратьях по перу, но делает это не ради объективности, а с целью дискредитации тех или иных авторов. Он, например, заключает заметку об И. Эренбурге суждением В. Шкловского, относящимся к 1922 году. Оно признано «пророческим», хотя далеко не полностью раскрывает своеобразие творчества Эренбурга, претерпевшего в последующие десятилетия огромную эволюцию. Кстати, творческая эволюция самого Шкловского, одного из ведущих формалистов двадцатых годов, закономерно приведшая этого видного литератора и уче-

ного в лагерь активных строителей новой, социалистической культуры, трактуется в «Словаре» превратно. Шкловский, сожалеет Казак, отвернулся от модернистских течений, отрекся от своих ранних экспериментов под давлением односторонней культурной политики...

Не будем останавливаться на специфической терминологии, которой оперирует Казак. Можно было бы подобрать целый букет эпитетов, которыми он награждает писателей. Одни второсортны, другие примитивны, третьи бессильны как художники, четвертые малозначительны т. д.

В этой связи — о главном изъяне «Словаря». Антиисторично само определение — русская литература с 1917 года, каким его подает Казак. В издательской аннотации сказано, что сведения как об официально признанных, так и о «преследуемых» в СССР писателях приводятся в одном ряду с данными об авторах, по разным причинам покинувших родину с 1917 по 1975 год. И в этом усматривается и специфика, и достоинство «Словаря». Сам Казак говорит о несостоятельности попытки установить водораздел между советскими писателями и эмигрантами, поскольку политическая граница между ними якобы шатка. На деле же подобная «интеграция» нужна, чтобы, узаконив эмигрантскую литературу на равных правах с литературой советской, объявить ее выразительнейшей «истинных» дум народа. Все симпатии Казака на стороне всякого рода отщепенцев, «оппозиционеров», покинувших Советский Союз в разное время и промышляющих на Западе пасквилями на свою бывшую родину и ее народ.

Какое реальное содержание вкладывается в понятие «русская литература с 1917 года»? Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала собой качественно новую эпоху и в истории, и в литературе. Произошло естественное размежевание: волею истории и логикой классово-борьбы писатели оказались по разные стороны баррикад. В СССР создана и развивается русская советская литература, питающаяся соками родной земли. По-разному сложилась судьба писателей, оказавшихся в эмиграции. Иным из них, как, например, Ивану Бунину, удавалось, преодолевая глубочайший творческий и психологический кризис, создавать произведения значительные. Большая же часть по-

рвавших с родиной литераторов оказалась в тупике.

Система оценочных критериев, к которой прибегает Казак, в конечном счете находится за рамками эстетики. Хотя он и не устаёт говорить о художественном значении того или иного сочинения, его представления о художественности как таковой весьма неконкретны. Он готов признать совершенным, возвести в ранг шедевров любое произведение, лишь бы в нем обнаружился вирус антисоветизма. И, напротив, подвергнуть остракизму писателя, отдающего талант народу. Охотно прячась за спину Слонима и Струве, он объявляет советскую литературу в стилистическом отношении пестрой смесью старомодного реализма, натурализма и неверно понятого модернизма.

В издании, подобном «Словарию» Казака, каждая строка на учете и, следовательно, объем информации о том или ином литераторе должен соответствовать его значимости, весомости его вклада в искусство и общественную жизнь, его роли в литературном движении. Казак сплошь и рядом нарушает пропорции и масштабы, деформирует картину, призванную отражать истинное положение вещей.

Он стремится вызвать недоверие к советским писателям — борцам против поджигателей войны, против фашизма и неофашизма во всех его проявлениях. Так, о Л. Гинзбурге, авторе документальных книг «Цена пепла», «Бездна», «Потусторонние встречи», повествующих о преступлениях гитлеровцев и их пособников на оккупированных советских территориях, он говорит с нескрываемым раздражением.

Односторонне информируя о писателях и произведениях, трактующих тему советско-западногерманских отношений, Казак исподволь настраивает своего читателя против советской литературы, которая якобы занята антинемецкой пропагандой.

«Словарь русской литературы с 1917 года» — книга, назовем вещи своими именами, насквозь лживая. И неудивительно, что честные мыслящие читатели на Западе отвергли эту псевдосolidную и псевдонаучную подделку советолога. Так, например, швейцарская газета «Форвертс» назвала труд Казака «отвратительным обманом», «нагромождением антисоветского материала». Точнее и не скажешь.

УРАН ГУРАЛЬНИК